

Обобщение судебной практики разрешения споров, связанных с обеспечительными сделками в рамках дела о несостоятельности (банкротстве)

На практике под обеспечительными (акцессорными) сделками понимаются сделки, обеспечивающие исполнение должником обязательства перед кредитором. Виды обеспечительных сделок можно выделить исходя из способов обеспечения исполнения обязательств, перечисленных в статье 329 Гражданского кодекса Российской Федерации. К наиболее распространенным видам обеспечительных сделок относятся договор залога, договор поручительства, банковская гарантия. Данный перечень является открытым.

Обеспечительные сделки заключаются участниками гражданского оборота для того, чтобы обезопасить себя от возможных негативных последствий нарушения контрагентом договорных обязательств. Все они имеют акцессорный характер, то есть играют дополнительную роль по отношению к основному договору и, как правило, следуют его юридической судьбе.

В рамках дел о несостоятельности (банкротстве) обеспечительные сделки занимают особое место.

Специфика договора залога в процедуре банкротства заключается в том, что данная обеспечительная сделка наделяет залогодержателя в случае банкротства должника по основному обязательству статусом залогового кредитора, который, в соответствии с Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), предоставляет его обладателю ряд преимуществ, относительно иных кредиторов должника, чьи требования залогом имущества не обеспечены. К таким преимуществам, в частности относится приоритетное удовлетворение требований залоговых кредиторов по отношению к иным конкурсным кредиторам за счет стоимости залогового имущества (пункты 1, 2 статьи 138 Закона о банкротстве), право определять порядок и условия продажи заложенного имущества (пункт 4 статьи 138), право влиять на возможность замещения активов должника в ходе конкурсного производства (пункт 2 статьи 141) и заключения мирового соглашения (пункт 2 статьи 150), право на оставление предмета залога за собой (пункт 5 статьи 18.1).

Договор поручительства, заключенный с должником и иными лицами, позволяет кредитору одновременно требовать исполнения обязательства каждым из поручителей. При этом поручитель, исполнивший обязательство за должника встает на место кредитора, приобретая право предъявить требование к должнику или иным поручителям при их наличии.

Названные преимущества являются причиной, по которой обеспечительные сделки используются лицами, заинтересованными с должником, в целях необоснованного включения в реестр требований кредиторов должника и вывода имущества должника из конкурсной массы.

Защита прав кредиторов должника осуществляется, в том числе, путем проверки обоснованности требований кредиторов, предъявленных к должнику, с применением повышенного стандарта доказывания и оспаривания сделок должника.

Разъяснения по вопросам разрешения споров, связанных с поручительством и удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя, содержатся в постановлениях Пленумов Высшего Арбитражного Суда Российской

Федерации от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» (далее – постановление № 58) и от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» (далее – постановление № 42), а также в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» (далее – постановление № 45).

Между тем при разрешении обособленных споров, возникающих из правоотношений участников гражданского оборота, основанных на обеспечительных сделках, суды сталкиваются с трудностями при определении объема обеспеченных залогом обязательств, состава имущества, которым обеспечено требование кредитора, оснований для прекращения залога или поручительства, момента, с которого у кредитора возникает право на предъявление требования к должнику-поручителю, размера требования, в отношении которого возможно процессуальное правопреемство, очередности удовлетворения требований кредиторов по таким сделкам и оснований для их субординации.

Настоящий обзор посвящен некоторым вопросам, которые возникают у судов при рассмотрении данной категории споров, и направлен на формирование единообразных подходов к их разрешению.

1. Требование о взыскании неустойки за неисполнение обязательства, обеспеченного залогом имущества должника имеет залоговое преимущество перед удовлетворением необеспеченных требований других кредиторов по взысканию финансовых санкций; залог обеспечивает требование кредитора в том объеме, какой оно имеет к моменту его удовлетворения, включая неустойку.

В рамках одного из дел при рассмотрении обоснованности заявления банка о признании гражданина банкротом суд, признав заявление обоснованным, ввел в отношении должника процедуру реструктуризации долгов гражданина.

Требование банка, основанное на двух кредитных договорах, исполнение обязательств по одному из которых обеспечено залогом принадлежащей должнику квартиры, суд включил в реестр требований кредиторов должника в размере основного долга, процентов за пользование кредитом и пеней, при этом обеспеченным залогом признал только требование по основному долгу и процентам.

Банк обратился в суд округа с кассационной жалобой, в которой попросил изменить состоявшиеся судебные акты и включить в состав залоговых требований сумму пеней, начисленных на основной долг и проценты по кредитному договору, в обеспечение которого с должником заключен договор залога.

Исходя из статьи 337 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой залог обеспечивает требование в том объеме, какое оно имеет к моменту удовлетворения, в том числе неустойку, суд округа пришел к выводу о необходимости включения пеней, начисленных в соответствии с условиями кредитного договора, в состав требований, обеспеченных залогом должника. При рассмотрении кассационной жалобы судом учтена правовая позиция, изложенная в пункте 14 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3(2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 12.07.2017, о необходимости учета неустойки в реестре требований кредиторов должника как обеспеченной залогом имущества.

Судебные акты судов первой и апелляционной инстанций изменены судом округа в указанной части, требование банка в сумме пеней, начисленных по обеспеченному квартирой кредитному договору, учтено в составе требования, обеспеченного залогом имущества должника¹.

В рамках другого дела банк обратился с заявлением о признании гражданина банкротом в связи с ненадлежащим исполнением кредитных обязательств. Кредит являлся целевым. Денежные средства предоставлялись на строительство и приобретение в собственность объекта недвижимости – квартиры. Объект недвижимости приобретался должником на основании договора участия в долевом строительстве. Требование банка обеспечено залогом прав требования по договору участия в долевом строительстве до оформления права собственности заемщика на квартиру. Суд первой инстанции, выводы которого поддержаны судом

¹ постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.04.2021 по делу № А79-5506/2019.

апелляционной инстанции, признал заявление обоснованным, ввел в отношении должника процедуру реструктуризации долгов гражданина. Требование, составляющее сумму основного долга и процентов за пользование кредитом, включено в реестр требований кредиторов должника в составе третьей очереди и признано обеспеченными залогом имущества должника (квартирой), требование о взыскании неустойки включено в реестр требований кредиторов должника как необеспеченное залогом имущества должника.

Банк посчитал, что суды необоснованно не признали обеспеченным залогом имущества должника требование в размере пеней, а также не согласился с определенными судами предметом залога.

Суд округа пришел к выводу о том, что отказ судов во включении требований банка в части пеней в реестр требований кредиторов должника как обеспеченных залогом, противоречит пункту 3 статьи 137 Закона о банкротстве, что послужило основанием для изменения судебных актов и признания всех заявленных банком требований обеспеченными залогом имущества должника².

Предмет залога, обеспечивающий требование банка, исходя из условий договора участия в долевом строительстве, определен судом округа как права требования по договору участия в долевом строительстве. В отсутствие у должника права собственности на объект долевого строительства и самой квартиры как объекта недвижимости, утверждение судов первой и апелляционной инстанций о том, что требование банка обеспечено залогом квартиры, признано неправомерным.

Выводы суда округа при рассмотрении указанных обособленных споров соответствуют правовой позиции, изложенной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2017 № 301-ЭС16-17271. В названном определении указано, что требование о взыскании неустоек как обеспеченное залогом имущества должника, должно учитываться отдельно в реестре требований кредиторов, подлежит удовлетворению после погашения основной суммы задолженности и причитающихся процентов по требованиям всех кредиторов третьей очереди, включая незалоговых, однако, оно имеет залоговое преимущество перед удовлетворением необеспеченных требований кредиторов по санкциям.

Указанная правовая позиция впоследствии отражена в пункте 14 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3(2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 12.07.2017.

2. Залогодержатель в отношениях с третьими лицами вправе ссылаться на принадлежащее ему право залога только с момента совершения записи об учете залога, за исключением случаев, если третье лицо знало или должно было знать о существовании залога ранее этого.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника общество обратилось в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника требования в размере задолженности по договору займа (основного долга, процентов и неустойки), как обеспеченного залогом имущества должника по двум договорам залога.

² постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 03.11.2020 по делу № А79-2421/2019.

Суды первой и апелляционной инстанций включили требование кредитора в третью очередь реестра требований кредиторов должника, признав его обеспеченным залогом доли в уставном капитале общества (по первому договору залога). В обеспечении требования кредитора всем принадлежащим должнику движимым имуществом (по второму договору залога) судами отказано. При этом суды исходили из того, что сведений о залоге имущества должника в пользу кредитора в Реестре уведомлений о залоге движимого имущества Единой информационной системы нотариата (далее – Реестр уведомлений о залоге движимого имущества) не содержится, иные кредиторы о залоге движимого имущества в пользу кредитора не уведомлялись. Как указали суды, не проявив надлежащей осмотрительности, кредитор принял на себя риск наступления неблагоприятных последствий, связанных с отсутствием учета залога.

Не согласившись с состоявшимися судебными актами в части отказа в обеспечении требования кредитора на основании договора залога общество обратилось в суд округа с кассационной жалобой. Заявитель жалобы указал, что договор залога является действующим; учет предмета залога в публичном реестре носит информационный, а не правоустанавливающий характер; обязанность по регистрации предмета залога была возложена на должника, который не исполнил ее, что указывает на его недобросовестное поведение.

Суд округа не усмотрел оснований для отмены обжалованных судебных актов и отказал в удовлетворении кассационной жалобы.

При рассмотрении требования общества установлено, что оно основано на договоре займа, исполнение обязательств по которому было обеспечено двумя договорами залога имущества должника (заемщика). Предметом залога по первому договору являлась доля в уставном капитале общества в размере 99,9 процентов, по второму договору в залог передано все движимое имущество должника, принадлежащее ему на праве собственности на момент заключения договора, и то, которое будет приобретено им в собственность по любым основаниям в течение срока действия залога.

В статье 339.1 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрен учет залога движимого имущества путем совершения записей в реестре уведомлений о залоге движимого имущества.

Залогодержатель в отношениях с третьими лицами вправе ссылаться на принадлежащее ему право залога только с момента совершения записи об учете залога, за исключением случаев, если третье лицо знало или должно было знать о существовании залога ранее этого. Отсутствие записи об учете не затрагивает отношения залогодателя с залогодержателем (абзац 3 пункта 4 статьи 339.1 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Фактические обстоятельства обособленного спора, свидетельствующие об отсутствии сведений о залоге имущества должника в пользу общества в Реестре уведомлений о залоге движимого имущества, а также доказательств уведомления кредиторов должника об указанном залоге, позволили суду округа согласиться с выводом судов о том, что оснований для признания требований кредитора обеспеченными залогом всего движимого имущества должника не имеется.³

³ постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30.03.2021 по делу № А29-13869/2019.

В другом деле о банкротстве суды рассматривали обособленный спор о признании недействительными торгов, оформленных протоколами о продаже арестованного заложенного имущества и договоров, заключенных по результатам оспариваемых торгов.

Торги оспаривались банком, который являлся залогодержателем движимого имущества должника, предоставленного последним в обеспечение им обязательств по кредитным договорам. В обоснование требования банк указывал на недопустимость обращения взыскания на заложенное имущество для удовлетворения требований взыскателя, не являющегося залогодержателем, при наличии у должника иного имущества. Таким образом, в результате проведенных торгов банк лишился обеспечения обязательства и права на преимущественное удовлетворение своих требований к должнику из стоимости предметов залога.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении заявления, указав, что запись об учете залога в отношении спорного имущества на момент его ареста в установленном порядке не внесена в публичный реестр. При этом суды, исходя из презумпции добросовестности участников гражданского оборота, сделали вывод о неосведомленности покупателей имущества о его обременении залогом в пользу банка, в связи с чем сочли залог прекратившимся на основании подпункта 2 пункта 1 статьи 352 Гражданского кодекса Российской Федерации. Указание в водных частях протоколов и договоров купли-продажи на залоговый статус реализуемого имущества суды расценили как опisku.

Банк обратился в суд округа с кассационной жалобой, в которой указал на осведомленность пристава-исполнителя, организатора и победителей торгов о наличии залогового обременения в отношении реализованного на торгах имущества, так как информация об этом отражена в протоколах о продаже арестованного заложенного имущества и договорах купли-продажи, заключенных по результатам торгов.

Суд кассационной инстанции не согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций, указал на неприменение к спорным правоотношениям статьи 339.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой требуется совершение записи об учете залога, поскольку договор залога был заключен до введения ее в действие Федеральным законом от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации».

Проверив выводов судов об осведомленности победителей торгов об обременении приобретенного имущества залогом на соответствие фактическим обстоятельствам спора, суд округа пришел к выводу о неправильном распределении судами бремени доказывания данного факта. С учетом принципа состязательности и равноправия сторон, учитывая, что во вводных частях протоколов и договоров купли-продажи содержится указание на залоговый статус реализуемого имущества, бремя доказывания неосведомленности о залоговом статусе имущества следовало переложить на победителей торгов.

Суд кассационной инстанции отменил обжалованные судебные акты и направил обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции⁴.

3. Признание заемщиком долга перед займодавцем по истечении срока исковой давности не может служить основанием для восстановления обязательств залогодателя.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника кредитор (корпорация) обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника требования, основанного на договоре залога, заключенного дирекцией с должником в обеспечение исполнения обществом (заемщиком) обязательств по договору займа. Право требования к должнику получено корпорацией от дирекции по договору цессии.

При рассмотрении обоснованности требования конкурсный управляющий заявил о применении срока исковой давности.

Суд первой инстанции включил требование кредитора в третью очередь реестра требований кредиторов, как обеспеченное залогом имущества должника. Суд апелляционной инстанции оставил определение суда без изменения. Суды пришли к выводу о том, что корпорация обратилась в суд с заявлением о включении требований в реестр до истечения срока исковой давности, определив начало его течения, исходя из установленного договором займа срока исполнения обязательств с учетом его последующего изменения дополнительным соглашением.

Конкурсный управляющий должником обратился в суд округа с жалобой, в которой попросил отменить вынесенные судебные акты, указав на пропуск срока исковой давности для предъявления требования к должнику (залогодателю), а также на прекращение залога в силу пункта 6 статьи 367 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Суд округа счел сделанные судами выводы ошибочными с учетом следующего.

В соответствии с абзацем 2 пункта 1 статьи 348 Гражданского кодекса залогодержатель приобретает право обратиться с иском на предмет залога, если в день наступления срока исполнения обязательства, обеспеченного залогом, оно не будет исполнено, за исключением случаев, если по закону или договору такое право возникает позже либо в силу закона иск может быть осуществлен ранее.

Из приведенных правовых норм следует, что срок исковой давности по требованию об обращении с иском на предмет залога начинается течь с момента возникновения оснований для обращения с иском на заложенное имущество, о которых залогодатель знал или должен был знать.

Вместе с тем истечение срока исковой давности по дополнительному требованию не влияет на течение срока исковой давности по основному обязательству, равно как и изменение течения срока исковой давности по главному требованию не влияет на течение срока давности по дополнительным требованиям до тех пор, пока он не истек.

⁴ постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.07.2019 по делу № А43-3036/2016.

В пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» (далее – Постановление № 10) указано, что в случае увеличения срока исполнения обязательства, обеспеченного залогом, следует иметь в виду, что течение исковой давности по требованию об обращении взыскания на заложенное имущество не ставится в зависимость от течения исковой давности по главному требованию, а определяется исходя из того, когда бы истекла исковая давность по основному обязательству, если бы срок исполнения обязательства, указанный в договоре о залоге, не менялся.

Суд округа указал, что срок исковой давности для предъявления требования к должнику-залогодателю подлежит исчислению с даты, указанной в договоре залога в качестве срока исполнения основного обязательства. В отсутствие доказательств, подтверждающих наличие обстоятельств, свидетельствующих о перерыве срока исковой давности, суд, исходя из пункта 1 статьи 207 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которым с истечением срока исковой давности по главному требованию считается истекшим срок исковой давности и по дополнительным требованиям (проценты, неустойка, залог, поручительство и т.п.), пришел к выводу о том, что должник-залогодатель по истечении срока исковой давности по обязательству заемщика обоснованно полагал о прекращении залога.

Признание заемщиком долга перед корпорацией по истечении более 7 лет с момента наступления срока возврата займа не может служить основанием для восстановления обязательств залогодателя. Иной подход приведет к неопределенному во времени обременению права собственности залогодателя по независящим от него причинам.

Истечение срока исковой давности для предъявления требования к должнику-залогодателю, явилось основанием отмены обжалованных судебных актов и отказа во включении требования кредитора в реестр требований кредиторов должника⁵.

4. Реализация конкурсным управляющим заложенного имущества на торгах в рамках проведения мероприятий конкурсного производства по ликвидации должника не может служить безусловным основанием для отказа залогодержателю во включении его требования в реестр требований кредиторов должника. В такой ситуации исследованию подлежит возможность удовлетворения требования залогодержателя за счет денежных средств, полученных от реализации предмета залога.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника общество обратилось в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника требования в размере задолженности по договорам займа, обеспеченного залогом имущества должника.

Суд первой инстанции удовлетворил заявление общества.

Апелляционный суд, установив наличие безусловных оснований для отмены определения суда первой инстанции, перешел к рассмотрению обособленного

⁵ постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23.12.2020 по делу № А39-10257/2018.

спора по правилам, установленным Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации для рассмотрения дела в суде первой инстанции.

По итогам проверки обоснованности требования общества суд апелляционной инстанции отказал во включении его в реестр.

Суд установил, что требование общества к должнику основано на трех договорах ипотеки, заключенных с заемщиком-залогодателем в обеспечение исполнения обязательств по ряду договоров займа. Предметом залога по договорам ипотеки выступало недвижимое имущество, принадлежащее заемщику, которое впоследствии внесено им в уставный капитал должника.

Требование предъявлено обществом к должнику как к собственнику предмета залога, поскольку вследствие передачи залогодателем объектов недвижимости в уставный капитал должника залог сохранился.

По требованию, основанному на одном из договоров залога, суд пришел к выводу об истечении срока исковой давности, что явилось самостоятельной причиной для отказа во включении его в реестр.

Недвижимое имущество, составляющее предмет залога по двум другим договорам залога, реализовано конкурсным управляющим на торгах в рамках проведения мероприятий конкурсного производства. Отсутствие у должника предмета залога в натуре явилось основанием для отказа судом апелляционной инстанции во включении требования общества в реестр. При этом суд исходил из разъяснений, содержащихся в пункте 1 постановления № 58, согласно которым суд при установлении требований кредитора проверяет, имеется ли у должника заложенное имущество в натуре (сохраняется ли возможность обращения взыскания на него).

Общество обратилось в суд округа с кассационной жалобой, в которой указало, что на момент подачи заявления в суд первой инстанции и его рассмотрения, предмет залога имелся у должника в наличии; выбытие предмета залога произошло в процедуре конкурсного производства должника, предмет залога продан с торгов, денежные средства от его реализации поступили в конкурсную массу должника и не распределены, поэтому требования кредитора подлежали включению в реестр.

Суд округа, исходя из фактических обстоятельств обособленного спора, установленных судом апелляционной инстанции, признал его выводы о невозможности включения требования общества, обеспеченного залогом имущества должника, в реестр требований кредиторов должника без надлежащего исследования возможности удовлетворения таких требований за счет реализованного залогового имущества не основанными на нормах действующего законодательства и преждевременными.

Как указал суд кассационной инстанции, разъяснения, содержащиеся в пункте 1 постановления № 58, направлены на предотвращение ситуации, при которой предмет залога не может быть включен в конкурсную массу и реализован по правилам, установленным в Законе о банкротстве, с целью реализации прав залогодержателя на преимущественное удовлетворение его требований за счет залогового имущества.

В рассмотренном случае имущество было реализовано конкурсным управляющим должника на торгах в рамках проведения мероприятий конкурсного производства по ликвидации должника.

Исходя из разъяснений, содержащихся в пункте 12 постановления № 58, согласно которым продажа заложенного имущества в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве, приводит к прекращению права залога в силу закона применительно к подпункту 4 пункта 1 статьи 352 Гражданского кодекса Российской Федерации, абзацу шестому пункта 5 статьи 18.1 Закона о банкротстве, суд округа пришел к выводу о том, что реализация предмета залога в деле о банкротстве должника сама по себе не может служить основанием к отказу во включении требования залогодержателя в реестр. В таком случае необходимо учитывать, что предмет залога трансформировался в деньги, поступившие в конкурсную массу после его продажи с торгов, а потому при проверке обоснованности требования судам следует проверить возможность его удовлетворения за счет вырученных от реализации предмета залога и не израсходованных на момент рассмотрения требования денежных средств.

Между тем суд апелляционной инстанции, формально сославшись на отсутствие на момент принятия у должника предмета залога, уклонился от исследования и оценки доводов, приведенных обществом, в то время как изложенные им обстоятельства (наличие у должника предмета залога на момент предъявления требования, а также возможность удовлетворения требований кредитора за счет денежных средств, полученных от реализации залогового имущества) имели существенное значение для рассмотрения обособленного спора.

При указанных обстоятельствах постановление суда апелляционной инстанции в части отказа во включении в реестр требования общества, основанного на двух договорах залога, отменено судом округа, обособленный спор в указанной части направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции⁶.

5. Кредитор по общим обязательствам супругов вправе претендовать на удовлетворение своих требований из совместной собственности в полном объеме. Заключение должником и его супругой брачного договора не изменяет для кредитора, требование которого обеспечено залогом общего имущества супругов, правовой режим этого имущества и не препятствует включению его требования в реестр требований кредиторов должника как обеспеченного залогом.

При этом ипотека в любом случае предоставляет банку как залоговому кредитору преимущественное удовлетворение из стоимости квартиры перед выплатой доли супругу залогодателя (статья 334 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункт 1 статьи 1 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)», пункт 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве).

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) гражданина банк предъявил к должнику требование, основанное на кредитном договоре и договоре залога (квартиры), и просил его включить в реестр, как обеспеченное залогом имущества должника.

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили заявление, включили требование банка в состав третьей очереди реестра требований

⁶ постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.10.2021 по делу № А11-15766/2018

кредиторов должника, а впоследствии признали его обеспеченным залогом имущества должника.

Должник и его супруга обратились в суд округа с кассационными жалобами, в которых попросили отменить состоявшиеся судебные акты, указав, на то, что на момент рассмотрения требования банка предмет залога у должника отсутствовал. Режим совместной собственности и общего имущества супругов прекратил действовать в связи с заключением брачного договора и расторжением брака.

Суд округа не нашел оснований для удовлетворения кассационных жалоб, признав выводы судов правильными.

При рассмотрении обособленного спора было установлено, что банк предоставил должнику кредит. На денежные средства, полученные от банка, должник и его супруга приобрели по договору купли-продажи у физического лица квартиру, которая по условиям договора с банком, с момента государственной регистрации перехода права собственности на квартиру на покупателей считается находящейся в залоге у банка. Впоследствии, супруги заключили брачный договор, в котором установили режим раздельной собственности, спорная квартира перешла в собственность супруги должника. Суд общей юрисдикции взыскал с должника в пользу банка задолженность по кредитному договору и обратил взыскание на квартиру, принадлежащую супруге должника.

Вопрос о наличии у банка статуса залогового кредитора в деле о банкротстве должника рассмотрен судами, исходя из статей 308 и 334 Гражданского кодекса Российской Федерации, 34 и 46 Семейного кодекса Российской Федерации, с учетом разъяснений, содержащихся в пункте 1 постановления № 58 и пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан».

Суды пришли к выводу о том, что факт заключения брачного договора не изменил для банка правовой режим заложенного имущества, как совместной собственности должника и его бывшей супруги, поскольку кредитор, обязательства перед которым возникли до такого раздела имущества, изменением режима имущества супругов юридически не связан. Имущество должника, в том числе и перешедшее вследствие раздела супругу общее имущество включается в конкурсную массу должника и подлежит реализации финансовым управляющим в общем порядке с дальнейшей выплатой супругу должника части выручки, полученной от реализации общего имущества.

Банк в этом случае сохраняет статус залогового кредитора в деле о несостоятельности (банкротстве) должника⁷.

В другом деле о несостоятельности (банкротстве) гражданина рассматривалось заявление бывшего супруга должника о разрешении разногласий по Положению о порядке, сроках и об условиях продажи совместно нажитого имущества (далее – положение), являющегося предметом залога банка.

⁷ постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23.08.2021 по делу № А82-22452/2018 (определением Верховного суда Российской Федерации от 04.06.2020 отказано в передаче кассационной жалобы на состоявшиеся судебные акты для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации).

Суд первой инстанции установил, что должник в период брака заключил с банком кредитный договор, обеспечив исполнение общего обязательства супругов залогом квартиры, которая также приобретена супругами в период брака и является их общим имуществом. При указанных обстоятельствах суд сделал вывод, что банк, как залоговый кредитор, вправе претендовать на удовлетворение своих требований из стоимости предмета залога, принадлежащего бывшим супругам на праве общей долевой собственности. Квартира подлежит реализации в порядке, предусмотренном в пункте 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве.

Положение утверждено судом в редакции залогового кредитора.

Суд апелляционной инстанции оставил определение суда без изменения.

Супруг должника обратился в суд округа с кассационной жалобой, в которой попросил отменить состоявшиеся судебные акты, указав, что залоговый кредитор не вправе определять порядок расчетов с кредиторами после реализации залогового имущества. По его мнению, он имеет право на получение денежных средств, соответствующих его доле в общем имуществе, приоритетно перед залоговым кредитором – банком.

Суд округа согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций, отказав в удовлетворении кассационной жалобы. При этом суд исходил из того, что редакция положения, предложенная банком, соответствует требованиям закона и не нарушает прав кредиторов, должника и иных лиц.

Выводы суда округа основаны на правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации, изложенных в определениях от 10.09.2018 № 305-ЭС18-4633 и от 24.12.2018 № 304-ЭС18-13615.

Верховный Суд Российской Федерации указал, если в реестр требований кредиторов должника включены долги по общим обязательствам его и (бывшей) супруги или имеются общие текущие обязательства, то выплаты в пользу (бывшего) супруга от реализации общего имущества не производятся до полного погашения общих обязательств.

Ипотека предоставляет залоговому кредитору преимущественное удовлетворение своих требований из стоимости предмета залога перед выплатой доли в конкурсную массу супруга залогодателя (статья 334 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункт 1 статьи 1 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.2008 № 102-ФЗ, пункт 5 статьи 213.37 Закона о банкротстве).

Таким образом, суд округа указал на отсутствие у супруга должника права на получение денежных средств, вырученных от реализации предмета залога, до полного удовлетворения требования банка, обеспеченного залогом общего имущества супругов⁸.

6. Требование, предъявленное к должнику как поручителю по кредитным обязательствам третьих лиц, подлежит установлению в реестре требований кредиторов должника в случае нарушения заемщиками сроков уплаты периодических платежей, предусмотренных графиком погашения кредита. В таком случае наступление (не наступление) срока возврата кредита

⁸ постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.10.2021 по делу №А82-744/2017, аналогичная позиция нашла свое отражение в определении Верховного суда Российской Федерации от 10.09.2018 № 305-ЭС18-4633.

по договору не влияет на возможность предъявления кредитором требования к поручителю.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) гражданина в арбитражный суд обратился банк с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника требования в размере задолженности по личным кредитным обязательствам должника, а также в размере долга по кредитным обязательствам третьих лиц (физических лиц), за исполнение которых поручился должник.

Конкурсные кредиторы обратились в суд с заявлением о признании кредитных договоров и договоров поручительства недействительными сделками.

Суд объединил указанные заявления в одно производство для совместного рассмотрения.

Заявление банка частично удовлетворено, требование, основанное на кредитных договорах, заключенных с должником, признано обоснованным и включено в третью очередь реестра требований кредиторов. Требование банка, основанное на договорах поручительства, оставлено без удовлетворения, равно как и требование конкурсных кредиторов.

Причиной отказа во включении в реестр требования банка, основанного на договорах поручительства, заключенных с должником в обеспечение исполнения кредитных обязательств физических лиц, явилось предъявление требования до наступления сроков возврата кредитов.

Суд апелляционной инстанции оставил определение суда без изменения.

Банк в кассационной жалобе попросил отменить принятые судебные акты, указав на ошибочность вывода суда об отсутствии просроченной задолженности по кредитным обязательствам физических лиц в связи с наличием у заемщиков просроченных платежей по графику погашения задолженности.

В пункте 48 постановления № 42 указано, что требование к поручителю может быть установлено в деле о банкротстве лишь при условии, что должником по обеспеченному поручительством обязательству допущено нарушение указанного обязательства (пункт 1 статьи 363 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Суд округа не согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии у банка оснований для предъявления требования к должнику. При этом суд исходил из того, что по условиям кредитных договоров, заключенных банком с физическими лицами, задолженность погашается в соответствии с графиком погашения кредита, предусматривающим периодические платежи. По сведениям банка, представленным в дело, у заемщиков имелись просрочки по графику.

Судебные акты первой и апелляционной инстанций отменены судом округа в части отказа в удовлетворении заявления банка о включении в реестр требований кредиторов должника (поручителя); обособленный спор в указанной части направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции⁹.

⁹ постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.04.2019 по делу № А43-33326/2015

7. Квалификация поручительства в качестве совместного не зависит от того, как оформлено обеспечение (одним документом либо разными), предполагается, что поручительство является совместным, если поручители и основной должник входят в одну группу лиц.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника, в реестр требований которого включены требования банка, основанные на кредитном договоре и договоре поручительства, обратилось общество, исполнившее кредитные обязательства перед лицом, которому банк передал право требования к должнику, с заявлением о замене кредитора в реестре требований кредиторов должника.

Суды первой и апелляционной инстанций произвели процессуальное правопреемство в отношении требований по кредитным договорам, заключенным должником с банком. По требованию, возникшему из договора поручительства, выданного должником в обеспечение исполнения обязательства иного заемщика наряду с другими поручителями, суды заменили кредитора только в части требования, составляющего 3/8 доли от общего размера исполненного обязательства. Размер требования, в отношении которого произведена замена кредитора, определен судами исходя из того, что обязательства, вытекающие из кредитного договора, обеспечены совместным поручительством восьми лиц, в числе которых должник и общество. При этом судами учтено, что двое из сопоручителей находятся в банкротстве. Поручительство девятого лица – торгового дома совместным не является, так как оно оформлено отдельным договором через значительное время после первоначальных поручительств.

Лицо, получившее право требования к должнику от банка и исполнение обязательства от общества, обжаловало судебные акты первой и апелляционной инстанций в кассационном порядке. В кассационной жалобе заявитель указал, что правопреемство в отношении требований, основанных на договоре поручительства, невозможно, поскольку общество, являясь сопоручителем, должно предъявить требование к должнику в порядке регресса. По его мнению, суды также неправильно рассчитали объем прав, перешедших к обществу в связи с нахождением в банкротстве двух других сопоручителей.

Суд округа признал квалификацию судами девятого договора поручительства как самостоятельного преждевременной, указав, что при рассмотрении обособленного спора его участниками приводились доводы о том, что поручительства являются совместными, все девять поручителей имеют одного бенефициара, однако суды не исследовали данные обстоятельства, ограничившись ссылкой на заключение с девятым поручителем отдельного договора поручительства. Вместе с тем обстоятельством, имеющим значение для квалификации поручительств в качестве совместных, является факт вхождения поручителей и основного должника в одну группу лиц.

Вывод суда кассационной инстанции основан на правовой позиции, изложенной в определении Верховного Суда Российской Федерации от 25.05.2017 № 306-ЭС16-17647 (8), согласно которой в ситуации, когда одно лицо, входящее в группу компаний, получает кредитные средства, а другие лица входящие в ту же группу, объединенные с заемщиком общими экономическими интересами, контролируемые одним и тем же конечным бенефициаром, предоставляют обеспечение в момент получения финансирования, зная об обеспечительных

обязательствах внутри группы, предполагается, что соответствующее обеспечение направлено на пропорциональное распределение риска дефолта заемщика между всеми членами такой группы компаний вне зависимости от того, как оформлено обеспечение (одним документом либо разными), что позволяет квалифицировать подобное обеспечение как совместное обеспечение. Иное может быть оговорено в соглашении между лицами, предоставившими обеспечение, или вытекать из существа отношений между ними.

Суд округа также указал, что суды неправильно определили размер доли от общего размера исполненного обязательства, приходящейся на общество. Судебные инстанции, правомерно руководствуясь разъяснениями высшей судебной инстанции, приведенными в пункте 27 постановления № 42, учли банкротство двух сопоручителей, однако безосновательно отнесли 100 процентов принадлежащих им долей на общество, в то время как их доли подлежали распределению между всеми сопоручителями в равных частях.

С учетом указанных обстоятельств суд округа отменил обжалованные судебные акты и направил обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции¹⁰.

8. Действия банка по выдаче кредита и одновременному получению обеспечения от аффилированного с должником лица, находящегося в неустойчивом финансовом положении, сами по себе не могут рассматриваться как направленные на причинение вреда кредиторам лица, предоставляющего обеспечение. Тот факт, что имущественное положение одного из нескольких поручителей не позволяет в полном объеме рассчитаться по основному долгу, не свидетельствует о причинении обеспечительной сделкой вреда иным кредиторам поручителя или о получении займодавцем необоснованного контроля над ходом процедуры несостоятельности.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) завода (должник) уполномоченный орган оспорил заключенные должником в обеспечение исполнения обществом (заемщиком) кредитных обязательств перед банком обеспечительные сделки: договоры об ипотеке и договор поручительства на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации. Названные сделки послужили основанием для включения требования банка в реестр требований кредиторов должника, в том числе как обеспеченных залогом его имущества.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении заявления, установив, что завод (залогодатель, поручитель) и общество входили в одну группу компаний (аффилированные лица), имели общие экономические интересы, а участие в обеспечительных сделках являлось их обычной финансово-хозяйственной деятельностью.

В кассационной жалобе уполномоченный орган указал, что на момент заключения спорных сделок должник обладал признаками недостаточности имущества, о чем банку было известно; объем возложенной на завод долговой нагрузки существенно превышал его активы, он не мог покрыть выданных в пользу основного заемщика обеспечений. Банк, по утверждению уполномоченного органа,

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.11.2019 № А11-1898/2018.

знал об отсутствии у завода какой-либо экономической выгоды от совершения обеспечительных сделок.

Суд округа признал обоснованными выводы судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии правовых оснований для признания оспоренных уполномоченным органом сделок недействительными и отказал в удовлетворении кассационной жалобы.

Разрешая обособленный спор, он руководствовался правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации, изложенными в определениях от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475 от 15.02.2019 № 305-ЭС18-17611, а также постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.02.2014 № 14510/13.

Ссылаясь на указанные судебные акты вышестоящей судебной инстанции, суд округа указал, что получение поручительства от компании, входящей в одну группу лиц с заемщиком, с точки зрения нормального гражданского оборота, является стандартной практикой и потому указанное обстоятельство само по себе не свидетельствует о наличии признаков неразумности или недобросовестности в поведении кредитора даже в ситуации, когда поручитель принимает на себя обязательства, превышающие его финансовые возможности. Предполагается, что при кредитовании одного из участников группы лиц, в конечном счете, выгоду в том или ином виде должны получить все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает.

В такой ситуации для констатации сомнительности поручительства должны быть приведены достаточно веские аргументы, свидетельствующие о значительном отклонении поведения займодавца от стандартов разумного и добросовестного осуществления гражданских прав, то есть фактически о злоупотреблении данным займодавцем своими правами во вред иным участникам оборота, в частности, остальным кредиторам должника (пункт 4 статьи 1 и пункт 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации). К их числу могут быть отнесены, в том числе следующие: участие кредитора в операциях по неправомерному выводу активов; получение кредитором безосновательного контроля над ходом дела о несостоятельности; реализация договоренностей между займодавцем и поручителем (залогодателем), направленных на причинение вреда иным кредиторам, лишение их части того, на что они справедливо рассчитывали (в том числе, не имеющее разумного экономического обоснования принятие новых обеспечительных обязательств по уже просроченным основным обязательствам в объеме, превышающем совокупные активы поручителя, при наличии у последнего неисполненных обязательств перед собственными кредиторами), и т.п.

Ни одного из указанных обстоятельств судами при рассмотрении обособленного спора не установлено, при этом банк не являлся заинтересованным по отношению к должнику лицом, что позволило суду округа согласиться с выводом судов о предоставлении финансирования независимым лицом.

Действия банка по выдаче кредита и одновременному получению обеспечения от аффилированного с должником лица, находящегося в неустойчивом финансовом положении, сами по себе не могут рассматриваться как направленные на причинение вреда кредиторам лица, предоставляющего обеспечение. Тот факт, что имущественное положение одного из нескольких поручителей не позволяет в полном объеме рассчитаться по основному долгу,

не свидетельствует о причинении обеспечительной сделкой вреда иным кредиторам поручителя или о получении займодавцем необоснованного контроля над ходом процедуры несостоятельности.

Суд округа, учитывая, что обеспечение предоставлено не только должником, но и иными лицами, входящими в одну группу, при этом кредитоспособность оценивалась исходя из активов всех лиц, выдавших обеспечение, признал обоснованным вывод судов о недоказанности совокупности обстоятельств, необходимых для признания сделок недействительными¹¹.

9. Требование поручителя, исполнившего обязательство должника перед кредитором, подлежит субординации, если поручитель является аффилированным по отношению к должнику лицом и исполнение обязательства произведено в ситуации имущественного кризиса должника.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника общество (кредитор) обратилось в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника задолженности, возникшей в связи с исполнением им как поручителем обязательств должника перед банком по кредитному договору.

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили требование общества, включив его в третью очередь реестра требований кредиторов должника.

Довод уполномоченного органа о корпоративном характере требования поручителя признан судами необоснованным.

Не согласившись с принятыми судебными актами, уполномоченный орган обратился в суд округа с кассационной жалобой, в которой попросил отменить судебные акты, указав, что суброгационные требования общества не подлежат включению в реестр требований кредиторов должника, так как они обусловлены наличием внутригрупповых корпоративных отношений между основным заемщиком и поручителем; исполнение кредитных обязательств должника произведено поручителем в ситуации имущественного кризиса должника, в связи с чем предъявленное требование подлежит удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

Суд округа признал верными выводы судебных инстанций о том, что к обществу, как поручителю, исполнившему обеспеченное поручительством обязательство, перешло право требования банка к должнику по кредитному договору, при этом сам по себе факт аффилированности поручителя по отношению к должнику не подтверждает порочность обеспечительной сделки.

Между тем, исходя из правовых позиций, содержащихся в пунктах 1 и 6.3 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020, суд округа указал на необходимость оценки доводов уполномоченного органа о том, что исполнение поручителем обязательства должника произведено в ситуации имущественного кризиса последнего. В обоснование этого факта уполномоченный орган ссылался на аффилированность должника, банка и поручителя, а также на то, что обязательство исполнено поручителем только после возбуждения дела

¹¹ постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30.07.2020 по делу № А28-14841/2017.

о банкротстве должника, при этом банк не предпринимал попыток получить исполнение по кредитному договору от должника или поручителя в сроки, предусмотренные договором.

Суд округа также счел заслуживающим внимания довод уполномоченного органа о том, что единственным источником средств, за счет которых поручитель произвел погашение задолженности перед банком, явились денежные средства самого должника. При этом судом учтена правовая позиция, изложенная в определении Верховного Суда Российской Федерации от 28.05.2018 № 301-ЭС17-22652, согласно которой если «дружественный» кредитор не подтверждает целесообразность заключения обеспечительной сделки, его действия по подаче заявления о включении требований в реестр могут быть квалифицированы как совершенные исключительно с противоправной целью уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации). При этом наличие в действиях сторон злоупотребления правом уже само по себе достаточно для отказа во включении требований заявителя в реестр (абзац четвертый пункта 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Суд округа отменил судебные акты и направил обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку доводы уполномоченного органа имели существенное значение для правильного разрешения обособленного спора, однако не получили оценки судов первой и апелляционной инстанций¹².

10. Исполнение поручителем обязательств перед банком по кредитному договору, заключенному с должником, может прикрывать самостоятельную оплату последним имеющейся задолженности по договору, в целях недопущения оспаривания совершенного платежа в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) как сделки должника.

В рамках дела о несостоятельности (банкротстве) должника конкурсный управляющий оспорил платежи по кредитному договору, заключенному должником с банком, как сделку с предпочтением на основании пунктов 1 и 2 статьи 61.3 Закона о банкротстве, и просил применить последствия недействительности сделки. При применении последствий управляющий просил в числе прочего восстановить обязательства должника и третьих лиц перед банком по договорам поручительства и залога.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении заявленных требований, сделав вывод о том, что платежи произведены поручителем должника в счет исполнения собственных обязательств перед банком, возникших из договора поручительства, и не является сделкой должника.

В суд округа с кассационными жалобами обратились конкурсный управляющий общества и конкурсный кредитор, они указали, что факт предоставления поручителем денежных средств должнику с целью погашения

¹² постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.05.2020 № А79-6097/2017.

кредитных обязательств перед банком установлен вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции.

Суд округа отменил судебные акты, принятые судами первой и апелляционной инстанций, признав ошибочными вывод судов о том, что платежи не являются сделкой должника, обособленный спор направил на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Фактические обстоятельства спора, установленные судами, свидетельствовали о том, что должник и банк заключили кредитный договор исполнение обязательств по которому обеспечено двумя договорами поручительства с физическими лицами и договорами залога с одним из этих лиц и с должником.

В ходе рассмотрения дела в суде общей юрисдикции по заявлению банка о взыскании долга и обращении взыскания на заложенное имущество к должнику и физическим лицам, предоставившим обеспечение по кредитному договору, задолженность перед банком была погашена.

Оплата произведена после возбуждения в отношении должника дела о несостоятельности (банкротстве) на основании восьми платежных поручений, в назначении платежа указано на погашение долга по кредитному договору должника на основании договора поручительства.

Учитывая, что вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции установлен факт перечисления поручителем на основании платежных поручений денежных средств непосредственно должнику и последующего погашения кредитных обязательств перед банком самим должником, суд округа сделал вывод о том, что оспоренные конкурсным управляющим платежи являются сделкой должника и могут быть оспорены по заявленному основанию в рамках дела о банкротстве последнего.¹³

¹³ постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.10.2021 № А82-17187/2018.